

© 2012 г. А.А. Курапов

УДК 93

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ БУДДИЙСКОЙ ОБЩИНЫ КАЛМЫКОВ В XVII-XVIII ВВ.

Буддизм получает широкое распространение у исторических предков калмыков – западных монголов (ойратов). В результате откочевки ойратских племенных группировок торгоутов и дербетов на рубеже XVI–XVII вв. в Россию, в Нижнем Поволжье было сформировано Калмыцкое ханство, которое, как известно, оказало серьезное влияние на политическую жизнь региона.

Статус буддийской идеологии и ее носителей predetermined особую роль буддийских священнослужителей в политических и социально-экономических процессах, происходивших на Нижней Волге в XVII–XIX вв. Российские власти, стремившиеся включить приволжских калмыков в сферу российской внутренней и внешней политики, на протяжении всего рассматриваемого периода активно взаимодействовали с буддийской общиной (сангхой). На разных этапах это взаимодействие было сотрудничеством, борьбой, контролем со стороны российских властей. Условно выделим в качестве периода сотрудничества XVII – начало XVIII вв.; в качестве периода конфронтации – 30 – 70-е гг. XVIII в.; в качестве периода контроля над общиной со стороны российских властей – конец XVIII–XIX вв. Рассмотрим специфику каждого периода.

В результате сложной социально-политической ситуации в конце XVI в. в Западной Монголии (недостаток пастбищных территорий, обострение междоусобной борьбы в ойратском союзе, внешнеполитические осложнения) торгоутские и дербетские правители продвигают свои кочевья на север и северо-запад, в пределы Южной и Западной Сибири к Таре, Тюмени, Тоболу. Торгоутское племенное объединение Хо-Урлюка, потерпев поражение от ойратского правителя Чокура, отступает под г. Тару, позднее к Яику [1]. Имен-

но в этом регионе со второй половины XVII в. в результате длительного социально-политического процесса формируется Калмыцкое ханство. Документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) свидетельствуют о значительной роли буддийского духовенства в формировании нового государства. Буддийское духовенство активно участвует в формировании традиции политического взаимодействия с представителями российского правительства в регионе. В 1636 г. в ответ на посольство Т. Петрова, в Тобольск отправляется посольство Хо-Урлюка во главе с Билюктой Могундеевым. В состав посольства, призванного подтвердить лояльность торгоутов российскому правительству в тяжелый для племенного объединения политический период, вошли представители буддийского духовенства улуса Хо-Урлюка: «...от лабы от Бутурая – Кула Габутахаев, да с ним четыре человека, да от лабы от Чорти – Соман с манджиками» [2]. В 30-е гг. XVII в. послы от лам улуса Хо-Урлюка – Чорти и Бутурая – фигурируют в русско-калмыцких переговорах, активно участвуют в экономическом взаимодействии калмыков с русскими городами [2]. К 40-м гг. XVII в. можно отметить факт вхождения буддийской атрибутики в русско-калмыцкие политические отношения в качестве легитимирующего фактора. Так, в 1645 г. российский посланец А. Кудрявцев, отправленный в калмыцкие улусы, получил наказ из Посольского приказа – «...чтоб они на Куране по своей вере шertz учинили» [3]. В 50-е гг. XVII в. буддийская община активно содействовала калмыцкой светской аристократии в решении территориального вопроса. В переговорном процессе 1650 г. Дайчина с российским правительством принял участие и верховный лама ханства. В переписке Посольского приказа с астраханским воеводой упомянуто письмо от «калмыцкого хутугты» (вероятно, от верховного ламы – А.К.) к московскому архимандриту. Подписание соответствующего обращения Дайчином и «калмыцким хутугтой» в очередной раз подчеркивает высокий политический статус духовенства в формирующемся ханстве. Своеобразным итогом переговорного процесса, санкционированного Дайчином в 1648 г., становится шertz, подписанная 4 февраля 1655 г. в Бальчинском городке под Астраханью калмыцкими послами Серен-тайшой, Дуралы-тарханом, зайсангом Чокулой [4].

Важнейшим фактором, влиявшим на активность русско-калмыцких отношений в XVII в., являлась внутривосточная ситуация в ханстве, взаимоот-

ношения владельцев. Смерть калмыцкого правителя – Мончака в 1669 г. вызывает раскол в Калмыцком ханстве и длительную гражданскую войну [5]. В этой ситуации наследник Мончака – Аюка, активно боровшийся за власть в Калмыцком ханстве, вновь обращается к дипломатии. Буддийское духовенство активно участвует в подготовке шертных съездов. Шерть, подписанная близ г. Астрахани, за р. Соленой при участии астраханского воеводы, князя Я. Н. Одоевского, подтверждала основные пункты соглашений 1660-1661 гг. и заканчивалась традиционной формулировкой: «...шертвую по своей калмыцкой вере и поклоняюсь и целую бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичиг и четки», вместо Аюки к грамоте приложил руку буддийский священнослужитель Чечен-Запсан [6]. В 70-90-е гг. XVII в. буддийское духовенство ханства привлекается Аюкой для организации посольств в Москву. К 1674 г. относятся сведения о двух посольствах, возглавляемых духовенством – посольствах багши Биликту и багши Унитея (Уньюдея) [7]. Их основными вопросами становятся взаимоотношения ханства с казаками и участие калмыцкой конницы в походе России на Крым.

Активизация внешнеполитической деятельности хана Аюки, проводником которой являлось буддийское духовенство, вызывает первые ограничительные мероприятия российского правительства по отношению к буддийской общине. Небезосновательно находя в калмыцких паломничествах политический подтекст, правительство России вводит ограничения на религиозные контакты ханства и Тибета. Канцлер Г.И. Головкин 22 января 1715 г. предписал казанскому губернатору П.С. Салтыкову не пропускать послов Аюки в Китай без предварительного согласия российского правительства [8]. С 1717 г. вопрос организации и отправки паломничеств в Тибет из Калмыцкого ханства переходит из религиозной плоскости в политическую. Российское правительство определило для себя, что религиозный фактор и паломничество как одно из его проявлений играют важную роль в политической жизни ханства. Позднее, в 20-е гг. XVIII в., разрешение на паломничество в Тибет в русско-калмыцких отношениях рассматривалось как награда за военные успехи и за лояльность правительству во внутренней политике Калмыцкого ханства.

Пройдя период формирования в конце XVII в., именно в 20-30-е XVIII в. община начинает активно влиять на внутреннюю политику, реализуя соци-

ально-политическую концепцию буддизма. И именно начиная с 30-х гг. XVIII в. мы отмечаем период конфронтации буддийской общины с российской государственностью. В 1713 г. хан Аюка передает ханскую печать Далай-ламы своему старшему сыну – Чакдоржапу и объявляет его наследником. Смерть Чакдоржапа 19 февраля 1722 г. вызывает начало феодальной раздробленности в ханстве. В феодальный конфликт активно вмешивается верховный лама – Шакур, вместе со своими светскими и клерикальными сторонниками реализовывавший в ханстве теократический проект. В решении основных внутривосточных проблем группировка Шакур-ламы и российская администрация первоначально находили понимание. Уже в феврале 1724 г. Шакур-лама и зайсанг Яман выступили против планов большинства калмыцких владельцев откочевать за Кубань, совершив откочевку на Дон, внутрь укрепленной российскими войсками «Царицынской линии» [9]. Подобная политическая позиция совпадала с планами российской администрации о предотвращении возможного перехода крупной группировки калмыцких владельцев под крымский протекторат и консолидации калмыцкого общества. С 1724 г. именно к Шакур-ламе обращается российское правительство в решении внутривосточных проблем в Калмыцком ханстве. Как писал А.П. Волынский, «... во всех владельцах худая надежда только главный их духовный Шакур-лама являет великую верность и усердие к Его Императорскому Величеству» [л. 95]. На наш взгляд, причиной подобного контакта была взаимная заинтересованность сторон. В ходе консультаций с Шакур-ламой А.П. Волынским принимается окончательное решение о кандидатуре наместника в лице младшего сына Аюки – Церен-Дондука, заключается соглашение о контроле над внутривосточной деятельностью главы ханства со стороны российской администрации, через Шакур-ламу как ближайшего советника наместника [11, л. 116].

Итогом переговоров А.П. Волынского и Шакур-ламы стало подписание присяги Церен-Дондуком 20 сентября 1724 г. Активный выход духовенства на политическую арену, участие во внутривосточной борьбе свидетельствовало об увеличении роли буддийского духовенства в политической жизни ханства.

Определение правительством фигуры наместника, поддерживаемого духовенством, не стабилизировали внутривосточное положение ханства.

Феодалные конфликты продолжались. Политическое противостояние группировок Дондука-Омбо и Церен-Дондука в 1731 г. вылилось в прямое военное столкновение. 4 ноября 1731 г. у урочища Сасыколи ниже Черного Яра, на левом берегу Волги, произошло сражение войск Дондука-Омбо и Церен-Дондука, закончившееся поражением группировки хана [12, л. 244]. Военное поражение Церен-Дондука и потеря значительной части улусов привело к фактической смене политической верхушки ханства.

Несмотря на то что положение Церен-Дондука в ханстве после 1731 г. окончательно становится номинальным, Шакур-лама, как активный союзник хана, продолжает играть важную роль в русско-калмыцком взаимодействии и во внутренней политике ханства.

При сохранении высокого статуса Шакур-ламы в ханстве значительно активизируется его оппозиция в буддийской общине. В ходе переговоров с представителями российского правительства одним из условий своего возвращения с Кубани Дондук-Омбо называл удаление из улусов Шакур-ламы – то есть смену руководства буддийского духовенства [4]. Шакур-лама мог оказать противодействие политическому усилению Дондука-Омбо.

Российское правительство, заинтересованное в политической стабильности в Калмыцком ханстве, необходимой, в т. ч., для организации военных походов калмыцкой конницы против Турции, активизировало переговорный процесс с наиболее влиятельным калмыцким владельцем – Дондук-Омбо. Объективно оценивая Церен-Дондука, российское правительство в рамках соблюдения «искусственного баланса сил» долгие годы поддерживало наиболее слабую политическую фигуру ханства как оппозиционную независимому Дондук-Омбо. Значительную роль в данной политической схеме играл Шакур-лама, легитимировавший статус наместника, а позднее – хана, и реализовавший основные внутривнутриполитические задачи российской стороны в ханстве.

В реалиях 1734 г. подобная схема исчерпала себя. Церен-Дондук окончательно потерял политический вес среди калмыцких владельцев, сохраняя свой статус исключительно благодаря российским войскам. Шакур-лама, проводивший сложную политику лавирования между российскими интересами и интересами буддийской общины, настроил против себя значительную часть духовной и светской элиты.

В ходе политических переговоров представителей российской администрации с Дондук-Омбо именно Шакур-лама неоднократно назывался в качестве одной из причин политического кризиса: как один из активных участников столкновения под Сасыколи, и в целом как причина обострения политической ситуации в ханстве [9]. В связи с общей направленностью российского правительства на смену светской верхушки ханства, Шакур-лама, как активный политический оппонент потенциального наместника, уже в 1731 г. стал помехой политического урегулирования в Калмыцком ханстве.

20 марта 1735 г. хану Церен-Дондуку направлен указ от императрицы Анны Иоанновны: «...тебе подданному нашему для некоторого дела быть сюда в Санкт-Петербург немедленно» [13, л. 1]. Осуществление процесса депортации Церен-Дондука из ханства было поручено астраханскому губернатору И.П. Измайлову. Верховный лама просил о разрешении сопровождать хана в его поездке в Санкт-Петербург. С подобной просьбой к правительству обратился и сам Церен-Дондук [13, л. 2]. С уходом Шакур-ламы из активной политики закончился период наиболее активного участия буддийского духовенства в русско-калмыцких отношениях.

Правление Дондук-Омбо (1735-1741 гг.) становится периодом усиления авторитарных тенденций во внутренней политике ханства. В этих условиях роль буддийского духовенства в социально-политической жизни ханства значительно снизилась. Оно привлекалось светским лидером для взаимодействия с российским правительством, легитимации собственного политического статуса и статуса формируемой им династии. Вместе с тем, приход к власти в буддийской общине региональной духовной элиты, тяготевшей к определенным светским группировкам, предопределил дальнейший конфликт буддийского духовенства и российского правительства, активно вмешивающегося во внутреннюю политику Калмыцкого ханства.

Священнослужители, вставшие во главе буддийской общины с 1735 г., отошли от основополагающих принципов политики Шакур-ламы, последовательно реализуемых им с 1723 г.: решение внешнеполитических задач за счет значительных уступок российской администрации во внутренней политике, поддержка российской доктрины «разумного баланса» с целью укрепления политического статуса буддийской общины при снижении политической активности светской элиты. Вместе со сменой верхушки светской власти в

ханстве в 1735 г., произошла и смена руководства буддийской общины и ее политического курса в целом [2, л. 82].

Период правления Дондук-Даши (1741–1758 гг.) связан с активизацией политической деятельности буддийского духовенства, вызванной сменой внутривластных ориентиров. Духовенство, вновь получившее возможность влиять на политику ханства, содействует стабилизации ситуации, оказывая политические консультации российским чиновникам. Законодательство Дондук-Даши позволило духовенству укрепить авторитет общины в ханстве и ужесточить дисциплинарные требования к общинникам. Привлечение российским правительством духовенства к переговорам с алтайскими теленгитами свидетельствует о высокой оценке роли буддийского духовенства в политической жизни Калмыцкого ханства [14, л. 2].

Анализ политических событий, предшествующих откочевке наместника Убаши в Джунгарию в 1771 г. и ставших причиной гибели Калмыцкого ханства, позволяет прийти к следующим выводам. Откочевка 1771 г. становится итогом внутренней политики буддийского духовенства Калмыцкого ханства, во II половине XVII–XVIII вв. стремившегося привести калмыков под идеологический протекторат иерархов Гелуг. Реализация данной доктрины буддийским духовенством осуществляется после изменения политической ситуации в Центральной Азии и Тибете в 20-50-е гг. XVIII в. Отсутствие оппозиции китайскому правительству в среде духовенства Тибета во второй половине XVIII в. позволяет сделать вывод об использовании доктрины объединения единоверцев в Джунгарии дипломатией Китая [15]. Таким образом пропагандистская деятельность буддийского духовенства ханства во главе с ламой Лаузанг-Джалчином становятся, в числе прочих, причинами откочевки 1771 г.

В целом взаимоотношение буддийской общины (сангхи) приволжских калмыков в XVII–второй половине XVIII в. и российского государства характерно как для религиозной, так и для национальной политики России. В XVII в. завершался процесс «собирания» окраинных территорий России и российское правительство активно ищет союзников, способствующих интеграции, в среде национальной светской и духовной элиты. Приволжские калмыки с XVII в. становятся определяющей этнополитической силой в регионе и буддизм, как национальная идеология становится одним из факторов, определяющих ин-

тенсивность российско-калмыцкого взаимодействия. Буддийское духовенство активно включается в дипломатический процесс, легитимируя торгоутскую династию. В XVIII в. процесс взаимодействия Калмыцкого ханства и Российской империи переходит в стадию государственного регулирования и ограничения национальных политических институтов. Буддийское духовенство во второй половине XVIII в. активно борется за сохранение политической независимости ханства во многом инспирируя процесс откочевки 1771 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русско-монгольские отношения 1607-1636: сборник документов. М., 1959.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. 1636. Д. 2.
3. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645. Д. 2.
4. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1954.
5. Батмаев М.М. Внутренняя обстановка в Калмыцком ханстве в конце XVII в. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977.
6. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673. Д. 2.
7. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672-1675 гг.: сборник документов. Элиста, 2003.
8. Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы. М., 1978.
9. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов. Элиста, 1995.
10. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 18.
11. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15.
12. Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993.

13. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 119. Оп. 1. 1736. Д. 2.
14. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 3. 1756. Д. 1.
15. Беспрозванных Е.Л. Буддизм и политика. Лидеры Тибета в XVII-XVIII вв. Волгоград, 1998.

L I T E R A T U R E

1. Russko-mongol'skie otnosheniya 1607-1636: sbornik dokumentov. M., 1959.
2. Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 119. Op. 1. 1636. D. 2.
3. RGADA. F. 119. Op. 1. 1645. D. 2.
4. Ocherki istorii Kalmyckoi ASSR. Dooktyabr'skii period. M., 1954.
5. Batmaev M.M. Vnutrennyaya obstanovka v Kalmyckom hanstve v konce XVII v. // Iz istorii dokapitalisticheskikh i kapitalisticheskikh otnoshenii v Kalmykii. Elista, 1977.
6. RGADA. F. 119. Op. 1. 1673. D. 2.
7. Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Kalmyckim hanstvom 1672-1675 gg.: sbornik dokumentov. Elista, 2003.
8. Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII v.: materialy i dokumenty. M., 1978.
9. Bakunin V.M. Opisanie kalmyckikh narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo i postupkov ih hanov. Elista, 1995.
10. Nacional'nyi arhiv Respubliki Kalmykiya (NARK). F. 36. Op. 1. D. 18.
11. NARK. F. 36. Op. 1. D. 15.
12. Batmaev M.M. Kalmyki v XVII-XVIII vekah. Sobytiya, lyudi, byt. Elista, 1993.
13. Arhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI). F. 119. Op. 1. 1736. D. 2.
14. AVPRI. F. 119. Op. 3. 1756. D. 1.

15. Besprozvannyh E.L. Buddizm i politika. Lidery Tibeta v XVII-XVIII vv. Volgograd, 1998.

*Астраханский государственный объединенный
историко-архитектурный музей-заповедник*

14 марта 2012 г.
